

М. Дмитриев

Мелочи из запаса моей жизни

<...> Державин, любя нежно вторую жену свою, не мог забыть первой! Вскоре, после второй его женитьбы, обедал у него Иван Иванович Дмитриев. Он заметил, что Державин несколько уже минут сидит нагнувшись над своей тарелкой и, вода по ней вилкой, чертит что-то остатком соуса. Он взглянул на него: глаза полны слез. Взглянул на тарелку и видит, что он чертит вензель первой жены своей. Дмитриев шепнул ему, что, если заметит Дарья Алексеевна, ей будет это неприятно. Державин стер написанное и зарыдал; так что Иван Иванович принужден был вывести его в другую комнату, под предлогом дурноты, чтобы не обнаружить причины слез молодой жене его <...>

Дядя мой (И.И. Дмитриев) пришел однажды к Державину в то время, когда он сидел над окончанием *Видения Мурзы*. — Он остановился на двух стихах:

Как солнце, как луну поставлю
На память будущим векам!

Выше луны и солнца лететь было некуда, и он стал в тупик. Дмитриев сказал ему шутя: «Вот бы как кончить:

Превознесу тебя, прославлю,
Тобой бессмертен буду сам!»

«Прекрасно!» — сказал Державин: написал эти два стиха и кончил. — Действительно, нельзя было лучше придумать окончания, тем больше, что оно совершенно в роде Державина: гордо и благородно! <...>

Державин был правдив и нетерпелив. Императрица поручила ему рассмотреть счета одного банкира, который имел дело с Кабинетом и был близок к упадку. — Прочитывая государыне его счета, он дошел до одного места, где сказано было, что одно высокое лицо, не очень любимое государыней, должно ему такую-то сумму. «Вот как мотает! — заметила императрица, — и на что ему такая сумма!» — Державин возразил, что кн. Потемкин занимал еще больше, и указал в счетах, какие именно суммы. — «Продолжайте!» — сказала государыня. — Дошло до другой статьи: опять заем того же лица. — «Вот опять! — сказала императрица с досадой: — мудрено ли после этого сделаться банкротом!» — «Кн. Зубов занял больше», — сказал Державин и указал на сумму. Екатерина вышла из терпения и позвонила. Входит камердинер. — «Нет ли кого там, в секретарской комнате?» — «Василий Степанович Попов, ваше величество». — «Позови его сюда». — Попов вошел. — «Сядьте тут, Василий Степанович, да посидите во время доклада; этот господин, мне кажется, меня прибить хочет»...

При императоре Павле Державин, бывший уже сенатором, сделан был *докладчиком*. Звание было новое; но оно приближало к государю, следовательно, возвышало, давало ход. Это было несколько досадно прежним его товарищам. Лучшее средство уронить Державина было настроить его же. Они начали говорить, что это, конечно, возвышение; однако что ж это за звание? «Выше ли, ниже ли сенатора, стоять ли ему, сидеть ли ему?» — Этим так разгорячили его, что настроили просить у государя инструкцию на новую должность. Державин попросил. Император отвечал очень кротко: «На что тебе инструкция, Гаврила Романович? Твоя инструкция — моя воля. Я велю тебе рассмотреть какое дело или какую просьбу; ты рассмотришь и мне доложишь: вот и все!» — Державин

не унялся и а другой раз об инструкции. — Император, удивленный этим, сказал ему уже с досадою: «А на что тебе инструкция?» — Державин не утерпел и повторил те же слова, которыми его подзадорили: «Да что же, государь! Я не знаю: стоять ли мне, сидеть ли мне!» Павел вспыхнул и закричал: «Вон!» — Испуганный докладчик побежал из кабинета; Павел за ним; и, встретив Ростопчина, громко сказал: «Написать его опять в Сенат!» и закричал вслед бегущему Державину: «А ты у меня там сиди смиреннько!» — Таким образом Державин возвратился опять к своим товарищам. — Это рассказывал граф Ростопчин.